

УДК 130.2

А.Б. Мусакулова*Севастопольский национальный технический университет**ул. Университетская, 33, г. Севастополь, 99053**E-mail: fsn.sntu@gmail.com***СОЦИУМ КАК КООПЕРАТИВНАЯ СИСТЕМА***Рассматривается социум как конгломерат корпораций с кооперативными связями.**Ключевые слова: социальное познание, общество, человек, кооперация, корпорация.*

Первая проблема, которая встает перед исследователем состоит в том, чтобы определить: является ли общество неким самостоятельным по отношению к индивиду объектом или это – простая сумма индивидов. От решения данного вопроса зависит и сама направленность исследования: искать ли объяснение общественного развития в особенностях натуры человека или рассматривать общество как систему, относительно самостоятельную, имеющую свою специфику и законы, несводимые к индивиду.

Вопрос об отношении общества и человека на протяжении веков глубоко волновал философов. Прочная связь этих двух полюсов была зафиксирована очень давно. Аристотель назвал человека политическим животным, т.е. существом, принадлежащим обществу. В этом определении имплицитно уже содержались, по крайней мере, две проблемы: как и почему возникло сообщество людей и каково его влияние на человека. Обе эти проблемы особенно остро встали в XVII-XVIII веках, когда Европа ускоряющимися темпами и во все больших масштабах приступила к практическому изменению производства, общественных форм власти и самого образа жизни людей.

Плодотворными оказались учения, в основу которых была положена идея не религиозного, а естественного происхождения общества, государства и права. В качестве методологической, а иногда и онтологической модели рассматривалось «дообщественное», природное состояние индивидов с их равными правами, природными потребностями, порывами и страстями. Сам характер отношения людей на этой «дообщественной» фазе изображался по-разному – ничем не сдерживаемые эгоизм, агрессивность и постоянная война всех против всех, как это было у Гоббса.

Разрушив акцидентальную теорию происхождения общества, Локк демонстрирует материалистический подход к проблемам генезиса и устройства человека и социума.

«Те, кто впервые пришел к понятию акциденций как класса реальных предметов, которые должны чему-то быть присущи, были вынуждены изобрести слово «субстанция» для их поддержания. Если бы бедный индийский философ (воображавший, что Земля также нуждается в какой-то опоре) придумал это слово «субстанция», ему не надо было бы утруждать себя поисками слона для поддержания Земли и черепахи – для поддержания слона: слово «субстанция» сделало бы это с успехом. И ответ индийского философа, что именно субстанция поддерживает Землю, хотя он и не знает, что она такое, вопрошающий мог бы считать хорошим точно так же, как мы считаем достаточным ответом и полезным учением наших европейских философов, что именно субстанция поддерживает акциденции, хотя они и не знают, что она такое. Так что у нас нет никакой идеи относительно того, что такое субстанция, но есть смутная и неясная идея того, что она делает» [1, с. 224].

Иронические замечания Локка не оставляют читателя равнодушным, и, как следствие, побуждают к собственной рефлексии, порождающих множество вопросов типа: «как же устроены мир и человек на самом деле?». Локк предусмотрительно и кратко сам отвечает на них тут же в тексте – «мир и человек, как его часть, протяженны». Ответ философа безукоризненно прост для понимания.

Завершенную социальную парадигму, ориентированную на познание человека как части целого, нам предоставил Локк: «...колонна есть вещь, поддерживаемая базисом, а базис – вещь, поддерживающая колонну» [1, с. 225].

Альтернативной стала позиция, с которой рассматривалось существование людей, не ведающих зла, т.к. они не знают добра, так считал Руссо. Для нас сейчас важно выделить общую методологическую установку этих концепций: чтобы понять общество, надо взять за основу индивида с его естественными, природными свойствами.

Разум диктует индивиду необходимость соглашения с другими индивидами. Такое соглашение, лежащее в основе возникновения общества, носит характер естественного закона, т.к. оно отвечает потребностям поддержания жизни человека и служит гарантом соблюдения его естественных, неотчуждаемых прав, хотя и ограниченных частично и перенесенных добровольно на общество и государство.

Такая методологическая установка – от индивида к обществу, задавала и критерий оценки самого социума и его влияния на человека. Философы Нового времени прекрасно понимали, что человек давно вышел из «естественного» состояния и стал существом социальным. Это положение особенно четко прослеживается у Локка, Монтеня, Руссо, Гельвеция, Гольбаха.

Вышеназванные философы полагали, что влияние социума, всегда огромное, может быть дурным или хорошим в зависимости от того, соответствуют ли его законы правам человека, вытекающим из его естественной природы. Поэтому изменить общество и систему воспитания на началах разума означало привести ее в соответствие с самой сутью человеческой природы.

В рамках такой индивидуалистической установки были поставлены чрезвычайно важные, не потерявшие своей актуальности и в наше время, вопросы: о правах человека, их отчуждаемости и неотчуждаемости, гражданском обществе, силе и значимости законов и правовом государстве, свободе и справедливости, природном неравенстве и равенстве потенциальных возможностей т.д. И все же этой концепции была свойственна определенная односторонность: социум, как самостоятельная реальность, отличная от индивидов, не исследовалась или почти не исследовалась.

Связью, скрепляющей индивидов и общество, оказывался разум, который, как путеводитель, призван вести от общественного договора ко все более совершенным формам социальной жизни, а также к корпоративной и государственно-правовой организации.

Принципиально иным был подход к исследованию социума, который наиболее обстоятельно развивали в XVIII–XIX веках классики немецкой классической философии. Суть его состояла в том, чтобы рассмотреть общество как некоторую наиндивидуальную систему, обладающую своими собственными особенностями и законами, не сводимыми к природе индивида. Кант поставил эту важнейшую проблему в связи с анализом категориальной природы сознания.

Априорные категории созерцания и разума, по Канту, не сводимы к индивиду; их носителем и средоточием является наиндивидуальный субъект, за которым угадывался человеческий социум. «Следовательно, только самосознание обладает той особенностью, что не может делить само себя (хотя и может делить присущие ему определения), так как мыслящий субъект есть в то же время свой собственный объект, а в отношении самого себя всякий предмет есть абсолютное единство. Тем не менее, если рассматривать этот субъект извне как предмет созерцания, то он, без сомнения, обнаружил бы сложение в своем явлении. Но мы должны именно так рассматривать его, если хотим узнать, есть ли в нем многообразное, [составные части] которого находятся вне друг друга [2, с. 253].

Еще более обстоятельно эту проблему разрабатывали Фихте, Шеллинг и Гегель. В философии Гегеля социум предстает уже как целостная, развивающаяся система, относительно автономная от каждого отдельного индивида, в том числе и от выдающихся мыслителей, героев, полководцев, политиков и вождей. Хотя без их деятельности эта система не может ни существовать, ни функционировать, она вместе с тем имеет свои собственные законы развития. Законы, действующие в социуме, не сводимы и не выводимы из природы человека, поскольку он сам – продукт истории, а точнее – развивающейся в ходе истории культуры.

Это качественно новая и очень креативная постановка вопроса о взаимоотношении социума и индивида, впоследствии во многом принятая Марксом. Маркс, выдвинувший принципиально отличные от Гегеля идеи о сущности и основании системы, тем не менее, продолжил традицию немецкой классической философии рассмотрения социума как наиндивидуальную развивающуюся целостность.

При всей научной значимости и глубине, данный подход таил в себе не сразу различимую потенциальную опасность. Панлогизм Гегеля придавал развитию системы определенную заданность. Это порождало, или, во всяком случае, могло породить представление о человеке как простом орудии мирового разума, осуществляющего через индивидов и их действия свою заранее поставленную программу.

Не избежал этой односторонности и Маркс, хотя он и предупреждал неоднократно о недопустимости исторического фатализма и забвения свободного самоопределения субъекта социального познания. Однако строгий рационализм Маркса в подходе к истории все же создавал объективную возможность недооценки индивида и его подчиненности законам социального прогресса. «Возможность была в полной мере реализована в догматизированном марксизме, который поставил человека в полную зависимость от примитивно понятной исторической необходимости» [3, с. 10]. Это стало теоретическим обоснованием практического превращения человека из цели в средство, низведения его до роли фактора, винтика гигантского механизма, оправданием неизбежной и постоянной жертвенности ныне живущих людей ради грядущего светлого строя.

Обозначенные нами подходы к исследованию социума и индивида прослеживаются и в работах мыслителей второй половины XIX и XX веков. Эти работы не были, безусловно, простым воспроизведением уже высказанных ранее идей. Прежде всего, следует иметь в виду, что представление об обществе как определенной целостности, все части которой тесно связаны в общем взаимодействии, постепенно становится самым популярным.

В новейшей философии продолжают попытки объяснить природу корпоративной целостности социума через личность. Наиболее четко это выявилось в теориях так называемой органической школы, родоначальниками которой можно считать О. Конта и Г. Спенсера, хотя само сопоставление социума с человеческим организмом проводилось и до них. Но именно эти мыслители делают попытку объяснить

статистику и динамику социума, исходя из аналогии с биологическим организмом и эволюционными законами.

В дальнейшем их последователи – Вормс, Лиленфельд и др. – стремились обнаружить все новые и новые черты сходства, перенося на общество то, что присуще организму человека: хозяйственная жизнь, органы управления, карательные органы уподоблялись соответственно – пищеварительным органам, центральной нервной системе, почкам и органам выделения; в обществе обнаруживали социальную патологию, социальную гигиену, биологическое приспособление и т.д.

Методология органической школы не была продуктивной и скорее закрывала, чем открывала путь к познанию социума. И все же это было известным приращением знаний: органическая школа отстаивала и разрабатывала взгляд на общество, как на единую систему, где каждая из частей скооперирована с другими, а все вместе подчинены целому.

Особое значение для понимания социума как самостоятельной по отношению к индивидам реальности имели работы Э. Дюркгейма и его школы. В них была продолжена установка немецкой классической философии и Маркса на системный подход к исследованию социума. Но Дюркгейм не просто воспроизводил взгляды своих предшественников. Он расширил поле исследования, соединяя философский подход с социологическим. А самое главное – именно он окончательно подорвал влияние органической школы, индивидуально-психологических трактовок общества и утвердил представление об обществе как целостной системе, не сводимой к природе, психике и особенностям индивида.

Подвергнув резкой критике О. Конта и Г. Спенсера, Э. Дюркгейм выступил против редукционизма, выражавшегося у представителей органической школы в сведении социального к биологическому. Не отрицая единства универсума, он вместе с тем настойчиво отстаивал принцип «объяснения социального социальным». Продолжая линию Сен-Симона, Гегеля, Маркса, Дюркгейм настойчиво подчеркивал, что человек есть продукт социума. Поэтому объяснение человека должно не предшествовать объяснению общества, а быть итогом, заключительным этапом познания социальной реальности.

Сосредоточив все свое внимание на этом принципе, разрабатывая методику познания социального, Дюркгейм, как и его предшественники, впадал в крайности, вследствие чего человек выпадал из его поля зрения, подавлялся социумом. Именно Дюркгейм продолжил и наиболее четко среди своих современников выразил тенденцию, ставшую формулой в социальной философии XX века: общество есть индивидуальная, не сводимая к психологии, сознанию и природе индивида целостная реальность, все элементы которой подчинены целому и которая функционирует по законам социума.

Такая методологическая установка открывала путь к изучению коллективных проявлений духовной жизни, созданию теории социальных групп, стала основой системного метода и структурно-функционального анализа.

Широкое распространение в XX веке получают объяснения целостности общества на основе единства культуры того или иного народа, или региона, а также на базе принимаемой ими системы ценностей.

Для XX века весьма характерно большое внимание к культурологической и аксиологической проблематике. Это положительное явление – результат глубоких исследований по общим и отдельным вопросам культуры. Складывается направление, изучающее культурно-исторические типы общества.

Его представители именно в культуре усматривают основной признак, консолидирующий качественно-определенный тип общества и вместе с тем делающий его уникальным, принципиально отличным от других типов. Один из наиболее крупных представителей этого направления О. Шпенглер отрицал идею единства человечества и признавал абсолютную уникальность человеческих культур. На той же позиции стояли Н. Данилевский, А. Тойнби и др.

Необходимо отметить односторонность точки зрения, базирующейся на абсолютизации признака неповторимости культуры и отрицающей общие черты, присущие культуре человечества. Однако в ней содержалось и весьма здоровое начало: критика европоцентризма, ориентация на изучение особенностей культуры азиатских и иных регионов, предупреждение против упрощенного перенесения на них черт европейской культурной традиции.

Ряд исследователей сделали попытку выделить и проанализировать своеобразную общественную «монаду», в качестве таковой Т. Парсонс, например, выделил «элементарное взаимодействие», т.е. связи в непосредственном объединении людей выполняющих определенную общественную функцию. «Элементарное взаимодействие» оказывается возможным благодаря общности мотивов действия, интересов, психологических установок и т.п. Социум рассматривается как огромное множество, но не просто индивидов, а первичных и надстраивающихся над ними вторичных и т.д. взаимодействий.

Разработанные Т. Парсонсом методология и методика продуктивны для изучения сложной, многоуровневой структуры общества, функционирования и взаимодействия ее элементов. Хотя они вуалируют, например, такие проблемы:

- поведения биомасс в замкнутых пространствах;
- кооперативных отношений внутри социальных групп;

– союз корпораций, как объективной основы общества, рассматриваемого в качестве целостной системы;

Вторая половина и особенно конец XX века отмечены нарастающим вниманием к «человеческой» проблематике. Это вызвано огромными изменениями, происходящими в современном мире, сложными и зачастую противоречивыми процессами, характеризующими жизнь стран, регионов, человечества в целом.

Экологическая и военная угроза необычайно обострила проблему ответственности человека, а научно-технический прогресс – необходимость реализации его творческого потенциала.

Крах тоталитарных режимов и существенные изменения в социальной и экономической жизни капиталистических стран выдвинули на первый план вопрос о правах личности, ее социальных гарантиях и свободе. «Проблема личности, ее положения в той или иной системе стала осью политической практики, критерием оценки прогрессивности и жизнеспособности системы» [3, с. 10]. Философский анализ общества не мог не отразить этой особенности социального познания нашего времени.

Примечательно, что системный подход к исследованию социума позволяет, не отказываясь от рассмотрения социума как целостной, самоорганизующейся и саморазвивающейся системы, перейти к изучению общества, исходя из особенностей индивидуального сознания или неизменной природы человека.

Повышение удельного веса проблем человека означает, что анализ тех или иных общественных процессов призван показать, как отражаются они на положении человека в мире и каким образом осуществляются в ходе его активной, созидательной деятельности. Разумеется, на уровне социальной философии речь может идти не об отдельном индивидуе, а о человеке, как родовом существе.

Характерной чертой науки XX века является переориентация ряда исследователей на микроуровень, изучение действий и связей внутри малых групп, сопровождавшаяся во многих случаях тренированием общей проблематики социальной философии, обвинением ее в старомодности и приверженности к абстракциям.

Процесс этот не случаен и связан с усложнением социальной жизни, необходимостью и открывшейся в ходе технического прогресса возможностью учета и регулирования различных социальных факторов. Отсюда – развитие эмпирических исследований, прикладной социологии, призванных предвидеть возникновение новых, особенно конфликтных, ситуаций и предлагать конкретные рекомендации по их устранению.

Библиографический список

1. Локк Д. Сочинения в 3-х т.: Т. 1. / Д. Локк; под ред. И.С. Нарский, А.Л. Субботин. Пер. с англ. А.Н. Савина. — М.: Мысль, 1985. — 621 с.
2. Кант И. Критика чистого разума / И. Кант. — Симферополь: Реноме, 2003. — 464 с.
3. Арефьева Г.С. Общество как объект социально-философского анализа: учеб. пособие / Г.С. Арефьева // Моск. гос. ин.-т радиотехники, электроники и автоматики (технический университет). — М., 1995. — 140 с.

Поступила в редакцию 18.11.2009 г.